

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «УРАЗБАЕВ против РОССИИ»

(Жалоба № 13128/06)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

8 октября 2019 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

8 января 2020 г.

Данное постановление вступило в силу при обстоятельствах, указанных в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Постановление может быть подвергнуто редакционной правке.

В деле «Уразбаев против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседавая Палатой, в состав которой вошли:

Винсент А. Де Гаэтано, *Председатель*,

Пауло Пинто де Альбукерке,

Хелен Келлер,

Дмитрий Дедов,

Бранко Лубарда,

Алина Полачкова,

Эрик Виннерстрём, *судьи*,

и Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,

Проведя 3 сентября 2019 года заседание за закрытыми дверями,

вынес следующее постановление, утвержденное в указанную дату:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 13128/06) против Российской Федерации, поданной в Суд 13 февраля 2006 года в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданином данного государства Мухамеджаном Рамазановичем Уразбаевым (далее — «заявитель»).

2. Интересы заявителя, который получил бесплатную правовую помощь, были представлены В.А. Бокаревой, адвокатом из г. Москвы. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») изначально представлял Г. Матюшкин, занимавший на тот момент должность Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а затем его преемник М. Гальперин.

3. 16 октября 2013 года жалоба, касающаяся заявлений о принуждении брата заявителя (в связи с применением к нему недозволенных методов ведения расследования) к даче показаний о виновности заявителя и их использования в качестве доказательств вины заявителя, была коммуницирована Властям, а оставшаяся часть жалобы была объявлена неприемлемой в соответствии с пунктом 3 статьи 54 Регламента Суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

4. Заявитель родился в 1964 году. В данный момент он содержится в исправительной колонии в Курганской области.

А. Следствие по уголовному делу по факту ограбления и убийства сотрудника правоохранительных органов

5. 6 мая 2002 года было начато следствие по уголовному делу по факту кражи скота в Катайском районе (Курганская область). По-видимому, заявитель и его брат У. подозревались в этой краже (см., в частности, пункты 21 и 26 ниже).

6. 9 мая 2002 года была организована милицейская засада в целях установления и задержания преступников на месте преступления. В ходе операции был убит сотрудник милиции. В тот же день было начато следствие по уголовному делу по факту убийства сотрудника милиции.

7. 10 мая 2002 года около 9.00 брат заявителя У. был задержан сотрудниками отдела милиции по Катайскому району и помещен в камеру для административно задержанных. Официальным основанием для его задержания стало административное правонарушение в виде нецензурных выражений в общественном месте.

8. 11 мая 2002 года судья Катайского районного суда признал У. виновным в вышеуказанном правонарушении и назначил наказание в виде трех дней административного ареста.

9. Как было установлено впоследствии, в период с 10 по 12 мая 2002 года сотрудники правоохранительных органов неоднократно допрашивали У. по факту кражи скота и убийства их коллеги (пункты 21 и 26 ниже).

10. 12 мая У. написал документ под названием «чистосердечное признание», в котором он утверждал, что они с заявителем украли скот и что заявитель рассказал ему об убийстве им сотрудника милиции.

11. В тот же день в 16.05 У. был официально задержан в качестве подозреваемого в краже скота. В соответствии с протоколами задержания и уведомления о правах У. выражал желание, чтобы с момента принятия решения о привлечении его в качестве обвиняемого по уголовному делу помощь ему оказывал адвокат, предположительно найденный для него семьей.

12. С 16:15 до 17:30 У. был допрошен без адвоката в качестве подозреваемого в краже и повторил сказанное им в «чистосердечном признании». Позднее в тот же день он принял участие в осмотре места преступления, где он уточнил обстоятельства кражи и убийства.

13. 13 мая 2002 года У. сообщил назначенному ему адвокату, что он хотел бы отказаться от показаний, данных 12 мая, поскольку они были получены от него путем применения пыток, и подал жалобу на жестокое обращение со стороны милиционеров (см. *ниже*).

14. 14 мая 2002 года У. без участия адвоката составил новое «чистосердечное признание». В этот раз он утверждал, что он видел, как его брат стрелял в милиционера. У. также нарисовал схему перемещений заявителя и своих перемещений в день убийства.

15. 13 ноября 2002 года судья Катайского районного суда вынес постановление о прекращении производства по делу о краже скота на том основании, что У. полностью возместил ущерб потерпевшим.

16. Поскольку заявитель скрылся, он был объявлен в розыск. 27 июня 2004 года он был найден и задержан в качестве подозреваемого в убийстве сотрудника правоохранительных органов. На этапе следствия по уголовному делу заявитель хранил молчание и отказался давать показания.

В. Травмы У. и проверки в связи с его заявлениями о ненадлежащем обращении с ним

17. В соответствии с журналом лиц административно задержанных лиц, 10 мая 2002 года у У. не было никаких телесных повреждений. 12 мая 2002 года при поступлении У. в качестве подозреваемого в изолятор временного содержания также было указано, что у него не было никаких травм.

18. Вечером 13 мая 2002 года У. перевели в гражданскую больницу. 14 мая 2002 года он прошел судебно-медицинский осмотр с целью установления характера повреждений и причины их появления. Этот осмотр выявил многочисленные фиолетовые синяки на основании носа и верхних веках, ссадины на лице, в частности, на лбу, на носу и на подбородке, нанесенные твердым тупым предметом и образованные в течение трех предыдущих дней.

19. 13 и 15 мая 2002 года У. направил две жалобы прокурорам Катайского района и Курганской области соответственно. Он заявил, что сотрудники правоохранительных органов К., Кр., П., Ч., Ум. и Ю. били его с 10 мая несколько дней.

20. 16 мая 2002 года при поступлении У. в изолятор указывалось, что у него имелся ушиб и ушибленная рана на основании носа, а также гематомы вокруг глаз.

21. Сотрудники правоохранительных органов К., Кр. и Ч. пояснили, что 11 и 12 мая 2002 года, когда они «обсуждали» кражу и убийство с У., который находился в наручниках, тот ударил себя наручниками по лицу.

22. Решением от 22 мая 2002 года заместитель прокурора Катайского района отказал в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников правоохранительных органов. Он считал, что заявления У. были противоречивыми и необоснованными.

23. Тем не менее, с учетом жалобы, поданной другим лицом, обвинявшим в причинении умышленных повреждений сотрудников этого же отдела милиции, 26 июня 2002 года прокурор Курганской области возбудил уголовное дело в связи с превышением полномочий некоторыми сотрудниками правоохранительных органов, и вынес распоряжение о приобщении жалоб У. к материалам расследования.

24. 25 июля 2002 года было подготовлено заключение медицинской экспертизы с описанием характера повреждений У., а также времени и способа их появления. В соответствии с этим заключением у У. имелись синяки и царапины на лице, а также ушибленная рана на перегородке носа, полученные в результате ударов твердыми тупыми предметами в течение трех дней до 15 мая 2002 года.

25. 17 сентября 2002 года У. был допрошен в качестве потерпевшего в рамках следствия по факту превышения полномочий. Он заявил, что в начале периода лишения свободы сотрудники правоохранительных органов К., Кр., П., Ч., Ум. и Ю. приказали ему признаться в убийстве сотрудника правоохранительных органов, затем, после его отказа, они предложили ему дать обвинительные показания на его брата (заявителя) и указать место его нахождения. Он заявил, что милиционеры били его все эти дни, с вечера 10 мая до 14 мая 2002 года. Он предоставил очень подробное описание его содержания под стражей и предполагаемого жестокого обращения в этот период.

26. Соответствующие сотрудники правоохранительных органов были допрошены в качестве свидетелей. Они подтвердили, что 10 мая 2002 года У. был задержан, поскольку подозревался в краже скота. Они отрицали применение жестокого обращения в его отношении и повторили, что в ходе одного из «обсуждений» с У. тот ударил себя наручниками по лицу. Другие сотрудники пояснили, что они не установили ни одного случая применения к У. жестокого обращения.

27. 21 октября 2002 года следователь провел три очных ставки У. соответственно с Ю., П. и Ум. Каждый из них повторил свою версию событий.

28. Постановлением от 21 ноября 2002 года следователь отказал в возбуждении уголовного дела по следующим основаниям:

«Оценивая показания потерпевшего [У.] совместно с другими доказательствами — показаниями сотрудников правоохранительных органов и заключением медицинской экспертизы — [следственный орган] считает, что показания [У.] противоречат действительности и были даны с единственной целью снизить доказательную ценность своих показаний, данных в начале

следствия по факту кражи скота, и своих показаний, касающихся убийства [сотрудника правоохранительных органов]».

С. Уголовный процесс и осуждение заявителя

29. В 2004 году в неустановленную в материалах дела дату в отношении заявителя в Курганском областном суде (далее — «областной суд») начался уголовный процесс. Заявитель обвинялся в убийстве сотрудника милиции, краже оружия и боеприпасов, а также незаконном хранении оружия и взрывчатых материалов.

30. Заявитель отрицал все обвинения, требовал, чтобы показания его брата были исключены из доказательств стороны обвинения, поскольку они были получены путем применения пыток в ходе его незаконного содержания под стражей в отсутствие помощи адвоката.

31. У., допрошенный в качестве свидетеля, отказался от всех показаний, которые он дал в ходе следствия, заявил, что он не присутствовал на месте преступления и повторил свои заявления о жестоком обращении. Он добавил, что неоднократно просил встречи с адвокатом, в чем ему всегда отказывали, что запись, в соответствии с которой ему не требовался адвокат до предъявления обвинения (пункт 11 выше) была сделана им под принуждением со стороны милиционеров и следователя, а также что его не уведомили о его праве не свидетельствовать против себя и своих близких. Прокурор потребовал огласить показания У., данные на этапе следствия, на основании части 3 статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса (далее — «УПК»). Областной суд приступил к оглашению показаний.

32. Сотрудники правоохранительных органов П. и Ум. были допрошены на заседании по факту их участия в следствии. П. описал ход обыска по месту жительства заявителя, а Ум. утверждал, что он ранее обсуждал с заявителем и его братом другие факты кражи скота, но не участвовал в следственных действиях в отношении У. и заявителя в мае 2002 года.

33. Областной суд потребовал у прокурора Курганской области проведения проверки заявлений о ненадлежащем обращении. Письмом от 16 мая 2005 года заместитель прокурора области отклонил утверждения У., сославшись на решение об отказе в возбуждении следствия по уголовному делу, вынесенное 21 ноября 2002 года (пункт 28 выше). Он подтвердил версию, в соответствии с которой повреждения У. были нанесены им себе умышленно ударами наручниками по голове, что мог сделать любой заключенный.

34. Приговором от 15 июня 2005 года Курганский областной суд приговорил заявителя к двадцати двум годам лишения свободы за убийство сотрудника правоохранительных органов, кражу оружия и

боеприпасов, а также незаконное хранение оружия и взрывчатых материалов.

35. Что касается возражения о неприемлемости показаний У., приведенного в связи с фактом их предположительного получения под принуждением в связи с применением к нему недозволенных методов ведения расследования, областной суд выразил следующую позицию:

«В соответствии с результатами проверок, проведенных прокуратурой Курганской области (...), в проведении следствия по уголовному делу отказано. Копии материалов проверок и постановления об отказе в проведении следствия обсуждались на заседании и были приобщены к материалам дела. (...)

Суд не усматривает оснований ставить под сомнение результаты проверок, в соответствии с которыми [сотрудники правоохранительных органов] не совершили никаких незаконных действий в отношении [У.] (...), поскольку на заседании все свидетели — сотрудники правоохранительных органов — утверждали, что они не совершили никаких противозаконных действий в отношении [У.]. (...)

Тот факт, что впоследствии в ходе допросов в качестве подозреваемого и обвиняемого в краже [У.] отказался от предыдущих показаний и утверждал, что подвергся жестокому обращению со стороны милиционеров, свидетельствует о том, что, во-первых, он не опасался сотрудников следственных органов и мог делать различные заявления и, во-вторых, что [У.] мог давать все показания, которые он считал соответствующими на различных этапах следствия».

36. Что касается доказательной ценности показаний У., данных на этапе расследования, областной суд отметил, что «чистосердечное признание» являлось добровольным заявлением, составление которого не требовало никакого уведомления о правах, и что У. признался по собственной воле. Он уточнил, кроме того, что на момент, когда У. написал свои «чистосердечное признание» от 12 мая 2002 года, он еще не был задержан в качестве подозреваемого в краже. Что касается допроса У. в тот же день, областной суд счел, что он определенно отказался от помощи адвоката. Наконец, он счел важным, что на момент, когда У. написал свои «чистосердечное признание», милиционеры уже знали, в каком положении был найден потерпевший, тогда как в соответствии с «чистосердечным признанием» положение потерпевшего было иным. Для областного суда это обстоятельство указывало на то, что сотрудники правоохранительных органов не диктовали текст У., а что он сам добровольно написал то, что считал нужным.

37. Проанализировав вышеуказанное «чистосердечное признание», протокол допроса У. от 12 мая 2002 года, схему, нарисованную им 14 мая 2002 года, протоколы осмотра места преступления с его участием от 12 мая 2002 года, областной суд установил, что У. находился рядом с заявителем в момент, когда тот выстрелил в милиционера, и являлся единственным свидетелем убийства.

38. Кроме того, областной суд удовлетворил гражданский иск и вынес решение о выплате заявителем 500 000 рублей вдове убитого милиционера в качестве возмещения морального вреда. Наконец, суд указал на необходимость передачи в Министерство внутренних дел Российской Федерации некоторых предметов, объявленных вещественными доказательствами по делу, и об уничтожении других предметов в случае, если У. и вдова милиционера не заберут их.

39. Заявитель подал кассационную жалобу, заявляя, в частности, что показания его брата были получены под принуждением в отсутствие помощи адвоката и путем оказания на него физического и психического давления. 2 декабря 2005 года Верховный Суд Российской Федерации оставил в силе обвинительный приговор в кассационном порядке, подтвердив заключения Курганского областного суда.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

40. Положения внутригосударственного законодательства, касающиеся права не свидетельствовать против себя и своих близких, права лица, подозреваемого или обвиняемого в уголовном правонарушении, на правовую помощь и приемлемости явки с повинной в качестве доказательства в уголовном процессе, изложены в постановлении Европейского Суда от 6 октября 2015 года по делу «Турбылев против России» (*Turbylev c. Russie*) (жалоба № 4722/09, пункты 46-56). В Уголовно-процессуальном кодексе (далее — «УПК») и Уголовном кодексе отсутствует понятие «чистосердечного признания».

41. В соответствии с пунктом 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 № 55 в случае отказа в ходе уголовного дела подсудимым от показаний, данных при производстве предварительного расследования или их изменения, суд обязан выяснить причины, по которым он отказался от ранее или изменения показаний, тщательно проверить все показания подсудимого и оценить их достоверность, сопоставив с иными исследованными в судебном разбирательстве доказательствами. Неподтверждение подсудимым показаний, данных им в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, влечет признание их недопустимым доказательством.

42. В соответствии с пунктом 12 этого же Постановления, если подсудимый объясняет изменение или отказ от полученных при производстве предварительного расследования в присутствии защитника показаний тем, что они были даны под принуждением в связи с применением к нему недозволенных методов ведения

расследования, то судом должны быть приняты достаточные и эффективные меры по проверке такого заявления подсудимого. При этом бремя опровержения доводов стороны защиты о том, что показания подсудимого были получены с нарушением требований закона, лежит на прокуроре (государственном обвинителе). По ходатайству прокурора судом могут быть проведены необходимые судебные действия.

43. В соответствии с пунктом 13 этого же Постановления, при наличии оснований для проверки заявления подсудимого перед началом следствия по уголовному делу, суд направляет его руководителю соответствующего органа предварительного расследования. Проведение такой проверки не освобождает суд от обязанности дать оценку материалам, представленным по ее результатам, и отразить свои выводы в обвинительном приговоре или решении о прекращении уголовного дела.

44. В соответствии с пунктом 14 этого же Постановления, если в ходе судебного разбирательства доводы подсудимого о даче им показаний под воздействием недозволенных методов ведения расследования не опровергнуты, то такие показания не могут быть использованы в доказывании.

45. В соответствии с частью 3 статьи 281 УПК, по ходатайству стороны суд вправе принять решение об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования, при наличии существенных противоречий между ранее данными показаниями и показаниями, данными в суде.

46. В соответствии со статьей 413 УПК, которая определяет порядок возобновления уголовных дел, вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда могут быть отменены и производство по уголовному делу возобновлено ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Под «новыми обстоятельствами» следует понимать, в частности, установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, допущенное при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

47. Заявитель утверждает, что было допущено нарушение его права на справедливое судебное разбирательство, заявляя, что его приговор основывался на показаниях, полученных от его брата путем применения пыток в ходе его незаконного содержания под стражей в милиции. Он ссылается на пункт 1 статьи 6 Конвенции, которая в частях, применимых к данному делу, гласит:

«Каждый имеет право на (...) разбирательство дела в разумный срок (...) судом, который вынесет решение (...) об обоснованности любого предъявленного ему уголовного обвинения(...)».

A. Приемлемость жалобы

1. Доводы сторон

48. Власти считают, что Суд не может в данном деле прийти к выводу о нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции, не установив предварительно нарушения статей 3 и 5 Конвенции в отношении У. Между тем, он не является заявителем по настоящему делу и не подавал жалобу, касающуюся ненадлежащего обращения и произвольного содержания под стражей. Власти делают из этого вывод, что Суд не имеет полномочий *ratione personae* высказываться по вопросу, являлся ли брат заявителя объектом ненадлежащего обращения.

49. Власти утверждают, кроме того, что Суд не имеет полномочий рассматривать приемлемость доказательств в уголовном процессе в отношении заявителя. По его мнению, жалоба заявителя относится к «четвертой инстанции».

50. Заявитель настаивал на своей жалобе. Он утверждает, что единственными прямыми доказательствами его виновности в убийстве были признания его брата, полученные путем применения пыток, и что ссылка на эти признания в обвинительном приговоре автоматически сделала производство в его отношении несправедливым.

2. Мнение Суда

51. Суд согласен с Властями, что он не имеет полномочий устанавливать, подвергся ли У., который не подавал жалобу на основании статьи 34 Конвенции, ненадлежащему обращению в нарушение статьи 3 (см., в *противоположность*, постановление Европейского Суда от 25 июня 2013 года по делу «Качиу и Которри

против Албании» (*Kaçiu et Kotorri c. Albanie*), жалобы №№33192/07 и 33194/07, постановление Европейского Суда от 5 октября 2017 года по делу «Кормев против Болгарии» (*Kormev c. Bulgarie*), жалоба №39014/12, пункт 79, и постановление Европейского Суда от 9 октября 2018 года по делу «Голубятников и Жучков против России» (*Golubyatnikov et Zhuchkov c. Russie*), жалобы №№ 44822/06 и 49869/06, — дела, в которых Суд установил, что обвиняющие показания были получены под принуждением в нарушение статьи 3 от свидетелей, которые также являлись заявителями, и установил в связи с этим фактом нарушение статьи 6). Суд подчеркивает, кроме того, что в данном деле внутригосударственными инстанциями не было установлено жестокого обращения (см., в противоположность, постановление Европейского Суда по делу «Харутюнян против Армении» (*Haroutyunian c. Arménie*), жалоба №36549/03, пункт 63, CEDH 2007- III).

52. В настоящем деле Суд, однако, должен вынести решение о справедливости, в смысле статьи 6 Конвенции, уголовного процесса, ведущегося в отношении заявителя. Он напоминает, что эти рассуждения не мешают ему учитывать обстоятельства, заявленные в соответствии со статьей 6 (см., с соответствующими изменениями, постановление Европейского Суда от 20 июня 2006 года по делу «Ерс и другие против Турции» (*Örs et autres c. Turquie*), жалоба №46213/99, пункт 58, с приведенными в нем ссылками, и постановление Европейского Суда от 23 октября 2018 года по делу «Мехмет Думан против Турции» (*Mehmet Duman c. Turquie*), жалоба №38740/09, пункт 45, с приведенными в нем ссылками). Таким образом, Суд отклоняет возражение Властей о несовместимости *ratione personae* поданной заявителем жалобы.

53. Что касается возражения, касающегося рассмотрения вопроса о приемлемости показаний У. в качестве доказательного элемента, Суд считает, что этот вопрос в данном деле по существу связан с существом жалобы. В связи с этим Суд считает необходимым рассмотреть данный вопрос одновременно с рассмотрением жалобы по существу.

54. Установив, что жалоба не является явно необоснованной в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и не является неприемлемой по другим причинам, Суд объявил ее приемлемой.

В. По существу

1. Доводы сторон

55. Ссылаясь на постановление об отказе возбудить уголовное дело в отношении сотрудников правоохранительных органов (см. пункт 28 выше), Власти считают, что заявления У., касающиеся ненадлежащего обращения, были противоречивыми и необоснованными. Они считают, что Курганский областной суд тщательно рассмотрел заявления и отклонил их совершенно обоснованно.

56. Власти считают, кроме того, что даже если предположить, что У. сделал признание под принуждением, эти признания не являлись единственными доказательствами вины заявителя и что, в любом случае, они не являлись решающими доказательствами для его осуждения по уголовному делу, которое подтверждалось другими многочисленными соответствующими доказательствами. Они заключили, что уголовный процесс в отношении заявителя был справедливым, и гарантии пункта 1 статьи 6 Конвенции были соблюдены.

57. Заявитель возразил, что показания, данные У., были единственными прямыми доказательствами его вины. Он утверждает, что признания, данные его братом, ни в коем случае не являлись добровольными и сделанными по его инициативе, а были получены от него под принуждением в связи с применением к нему недозволённых методов ведения расследования и угроз в ходе периода произвольного лишения свободы. В подтверждение он предоставил письмо от 20 апреля 2014 года, составленное его братом У., вниманию Суда. В этом письме У. утверждает, что он был задержан 10 мая 2002 года в качестве подозреваемого в краже и убийстве и что он дал показания, обвиняющие заявителя с единственной целью «уцелеть». В нем У. подробно излагает свои заявления, подтверждающие угрозы и грубое обращение со стороны милиционеров.

58. Заявитель говорит о том, что областной суд ограничился ссылкой на результаты проверок, проведенных по заявлениям У., касающимся ненадлежащего обращения — проверок, которые он считает неполными и недостаточными — не проведя анализ по существу этих заявлений.

59. Он заключил, что принятие признаний, полученных таким образом от его брата, в качестве доказательств обвинения сделало процесс несправедливым в нарушение статьи 6 Конвенции.

2. Мнение Суда

а) Основные принципы

60. Суд напоминает, что на него не возлагается обязанность разбираться в фактических или правовых ошибках, предположительно совершенных внутригосударственным судом, кроме случаев, когда они могут ущемлять права и свободы, защищенные Конвенцией. Если статья 6 Конвенции гарантирует право на справедливое судебное разбирательство, она, однако, не регламентирует приемлемость доказательств в качестве таковых, поскольку этот вопрос подпадает, прежде всего, под действие внутригосударственного права. Следовательно, Суд не обязан, в принципе, выносить решение о приемлемости некоторых видов доказательств, таких как доказательства, полученные незаконным путем с точки зрения внутригосударственного права, но он должен рассмотреть вопрос о том, являлось ли производство, в том числе способ сбора доказательств, справедливым в целом, что подразумевает рассмотрение вопроса о незаконности и, в случае если обнаруживается нарушение другого права, охраняемого Конвенцией, характера этого нарушения (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яллох против Германии» (*Jalloh c. Allemagne*), жалоба №54810/00, пункты 94-95, CEDH 2006-IX, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гёфген против Германии» (*Gäfgen c. Allemagne*), жалоба №22978/05, пункты 163, CEDH 2010, и, наконец, например, упоминавшееся выше постановление по делу «Кормев против Болгарии», пункт 79).

61. Возникает, однако, необходимость в особом рассмотрении, если в уголовном судопроизводстве используются доказательства, полученные путем применения меры, которая предположительно противоречит статье 3. Использование подобных доказательств, полученных в связи с нарушением одного из абсолютных прав, составляющих основу Конвенции, всегда порождает серьезные сомнения в справедливости производства, даже если факт их принятия в качестве доказательств не был решающим для осуждения подозреваемого (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Гёфген против Германии», пункт 165, с указанными в нем ссылками). В частности, использование в уголовном процессе показаний, полученных в связи с нарушением статьи 3 Конвенции — если эти преступления квалифицируются как пытка, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение — автоматически лишает производство справедливости в целом и нарушает статью 6 (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Кормев против Болгарии», пункт 81, с указанными в нем ссылками). Этот принцип применяется как к самоинкриминирующим показаниям, данным

обвиняемыми, так и к показаниям свидетелей, полученным в нарушение статьи 3 и использованным в качестве доказательств (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Харутюнян против Армении», пункт 64, и постановление Европейского Суда от 26 июля 2011 года по делу «Хусейн и другие против Азербайджана» (*Huseyn et autres c. Azerbaïdjan*), жалоба №35485/05 и 3 других жалобы, пункт 202).

62. Для определения, было ли производство справедливым в целом, необходимо исследовать вопрос о том, были ли соблюдены права на защиту. Следует задаться вопросом, в частности, о том, имел ли заявитель возможность оспорить подлинность доказательств и возразить против их использования. Следует также учитывать качество доказательств и, в частности, проверить, возникает ли в связи с обстоятельствами, при которых они были получены, сомнение в их достоверности и точности (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Гефген против Германии», пункт 164, постановление Европейского Суда от 31 июля 2014 года по делу «Жаннатов против Азербайджана» (*Jannatov c. Azerbaïdjan*), жалоба №32132/07, пункт 74). Принцип презумпции невиновности и право обвиняемого на оспаривание любого доказательства против него требуют, чтобы судебная инстанция, выносящая решение, осуществила полные, независимые и исчерпывающие рассмотрение и оценку доказательств обвинения независимо от оценки, которая была дана им в других производствах (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Хусейн и другие против Азербайджана», пункт 212).

б) Применение в настоящем деле

63. Суд подчеркивает, что заявления У., брата заявителя, сделанные 12 и 14 мая 2002 года, были использованы в качестве доказательств для обоснования вынесения заявителю приговора за убийство. В ходе процесса заявитель требовал, чтобы они были объявлены неприемлемыми на том основании, что они были получены путем применения пыток со стороны милиционеров в ходе незаконного содержания под стражей его брата. Кроме того, этот последний в ходе допроса в качестве свидетеля на заседании отказался от показаний, повторив свои заявления о пытках (см. пункты 30-31 выше). Национальные суды, однако, решили оставить их в деле. При этом они сослались на заключения внутригосударственных расследований, в соответствии с которыми У. сам нанес себе раны, обнаруженные у него во время его содержания под стражей в милиции (см. пункты 35-36 выше).

64. Суд напоминает, во-первых, что, кроме случаев, когда существуют серьезные основания для иного заключения, понятие справедливого судебного разбирательства требует, чтобы показаниям,

данным в суде, придавалось большее значение, чем протоколам допроса свидетеля перед судебным разбирательством (см. постановление Европейского Суда от 25 апреля 2013 года по делу «Эркапич против Хорватии» (*Erkapić c. Croatie*), жалоба № 51198/08, пункт 75, с указанными в нем ссылками). Между тем, в данном деле судебная инстанция, выносящая решение, придала решающее значение показаниям, данным свидетелем на этапе следствия, проигнорировав его показания на заседании без объяснения причин.

65. Суд напоминает далее, что при наличии достоверных заявлений, в соответствии с которыми обвинительное свидетельское показание было получено под принуждением в связи с применением недозволенных методов ведения расследования, судебной инстанции, выносящей решение, следует провести полный, независимый и исчерпывающий анализ условий, при которых были получены эти показания, независимо от оценки, которая была им дана органами власти, осуществляющими судебное преследование (см. пункт 62 выше). В данном деле такой анализ был тем более важным и должен был быть тем более тщательным, что заявитель, который не являлся стороной в производстве, в котором его брат подавал жалобы на ненадлежащее обращение, был лишен возможности принимать в нем участие и оспаривать его результат (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Хусейн и другие против Азербайджана», пункт 212).

66. Суд отмечает, что в данном деле, посчитав показания У., данные 12 и 14 мая 2002 года, приемлемыми, областной суд в основном удовлетворился простой ссылкой на заключения доследственных проверок, проведенных прокуратурой Курганской области в связи с жалобой на ненадлежащее обращение, поданной У., и на показания милиционеров, в соответствии с которыми они не совершали никаких незаконных действий по отношению к У. (см. пункт 35 выше). Следовательно, он не провел отдельный анализ обстоятельств, при которых были сделаны эти заявления.

67. Между тем, Суд не может не указать, в отношении этих обстоятельств, что 10 мая 2002 года У., у которого не было телесных повреждений, был задержан в качестве подозреваемого в краже скота. Он оставался под контролем милиции сначала на том основании, что он совершил административное правонарушение, затем в качестве подозреваемого в краже до 16 мая 2002 года, когда он был помещен в изолятор. В ходе этого содержания под стражей и после определенных «обсуждений» с сотрудниками правоохранительных органов 12 мая 2002 года он сделал заявления о виновности заявителя. 14 мая 2002 года У., который все еще находился в милиции и которому не оказывалась помощь защитником, дал новые показания, снова свидетельствующие о виновности заявителя, и в их подтверждение

нарисовал схему. В тот же день у У. были зафиксированы многочисленные повреждения на голове.

68. Суд напоминает, что у него уже была возможность критиковать аналогичные ситуации, в которых лицо задерживалось под предлогом совершения им административного правонарушения, чтобы получить возможность передать его в распоряжение сотрудников правоохранительных органов и допросить неофициальным путем в отсутствие каких-либо гарантий и, в частности, в отсутствие адвоката, в связи с уголовным правонарушением (см. постановление Европейского Суда по делу «Менешева против России» (*Mencheva c. Russie*), жалоба №59261/00, пункты 85-86, CEDH 2006-III, постановление Европейского Суда от 19 февраля 2009 года по делу «Доронин против Украины» (*Doronine c. Ukraine*), жалоба №16505/02, пункт 56, постановление Европейского Суда от 24 июня 2010 года по делу «Олексий Михайлович Захаркин против Украины» (*Oleksiy Mykhaylovych Zakharkin c. Ukraine*), жалоба №1727/04, пункт 88, постановление Европейского Суда от 21 апреля 2011 года по делу «Нечипорук и Йонкало против Украины» (*Nechiporuk et Yonkalo c. Ukraine*), жалоба №42310/04, пункт 178, и, наконец, постановление Европейского Суда от 20 октября 2016 года по делу «Семененко против Украины» (*Semenenko c. Ukraine*), жалоба №52819/08, пункты 29-36). Эти обстоятельства сами по себе ставят под серьезное сомнение добровольный характер полученных показаний в таких условиях и должны были вызвать беспокойство у судебных инстанций относительно достоверности и подлинности данных таким образом показаний.

69. Как Суд уже отмечал, некоторые раны были выявлены у У. в ходе содержания под стражей, эти раны были нанесены в течение того же промежутка времени, когда он дал показания о виновности заявителя. Что касается происхождения ран, следствие, проведенное по его жалобе, окончилось отказом возбудить уголовное дело на том основании, что У. нанес себе раны самостоятельно. В подкрепление этого довода прокуроры последовательно ссылались на свидетельства милиционеров, отрицавших незаконные действия в отношении У., а также на судебно-медицинское заключение от 14 мая 2002 года, содержавшее вывод о том, что обнаруженные раны были нанесены твердым тупым предметом, и указание на время их появления за три дня до осмотра (см. пункт 18 выше). Суд не может не указать на отсутствие в этом заключении вывода о степени вероятности довода об умышленном нанесении ранения самому себе, выдвигаемого органами власти (см. с соответствующими изменениями, постановление Европейского Суда от 11 января 2007 года по делу «Маммадов против Азербайджана» (*Mammadov c. Azerbaïdjan*), жалоба №34445/04, пункт 63, и постановление Европейского Суда от 18 декабря 2012 года

по делу «Двалишвили против Грузии» (*Dvalishvili c. Géorgie*), жалоба №19634/07, пункт 48). Кроме того, из материалов дела не следует, что судебно-медицинскому эксперту было предложено высказать мнение о таком предположении относительно появления ран У. (см. пункт 24 выше).

70. Между тем, несмотря на сомнительные условия, в которых заявления У. были получены милицией, выявляющие реальный риск ненадлежащего обращения, а также несмотря на отсутствие достоверного объяснения точного происхождения его травм у следователей и достоверных доказательств, свидетельствующих об умышленном нанесении ранений самому себе, судебная инстанция не провела отдельного рассмотрения подлинности и надежности показаний о вине заявителя, полученных таким образом.

71. Суд считает, кроме того, что даже если предположить, что следствие было проведено безупречно, вопрос приемлемости доказательств не должен рассматриваться в связи с вопросом индивидуальной уголовной ответственности. Так, следствие по уголовному делу по поводу заявлений о ненадлежащем обращении может закончиться неудачей по различным причинам, например, в связи с невозможностью доказать связь между заявляемыми фактами и предполагаемым преступником, или установить намерение или иной составляющий элемент правонарушения, или в связи с истечением срока давности (см., например, упоминавшееся выше постановление по делу «Ерс против Турции», пункты 16 и 58). Между тем, если в рамках уголовного процесса обвиняемый требует исключения доказательств, потому что, по его мнению, они были получены под принуждением в связи с применением к нему недозволенных методов ведения расследования, судебная инстанция, выносящее решение, должна вынести решение не по вопросу индивидуальной ответственности, как в рамках следствия по уголовному делу в связи с жестокостью сотрудников правоохранительных органов, а по вопросу приемлемости доказательств. Из этого следует, что если суду представлены достоверные и неопровергнутые заявления, доказывающие, что показания получены под принуждением в связи с применением недозволенных методов ведения расследования, они должны быть исключены, в противном случае все производство будет несправедливым.

72. В данном деле областной суд должен был не выносить решение об индивидуальной уголовной ответственности милиционеров и следователей за предполагаемое ненадлежащее обращение, а по вопросу, были ли эти доказательства получены в обстоятельствах, которые могли поставить под сомнение их достоверность и подлинность. Для этого он располагал всеми необходимыми полномочиями, а именно, полномочием допрашивать свидетелей,

экспертов и предполагаемых преступников по обстоятельствам применения предполагаемого ненадлежащего обращения и получения показаний У. (см., с соответствующими изменениями, например, постановление Европейского Суда от 4 апреля 2013 года по делу «Маркарян против России» (*Markaryan c. Russie*), жалоба №12102/05, пункт 44, и постановление Европейского Суда от 9 февраля 2016 года по делу «Шлычков против России» (*Shlychkov c. Russie*), жалоба №40852/05, пункт 37, в котором суды заслушали заявителей, полицейских и экспертов). Между тем, областной суд не допросил сотрудников правоохранительных органов, обвиняемых У., кроме П. и Ум., показания которых ограничивались обстоятельствами хода следствия (см. пункт 32 выше), а также не назначил дополнительную экспертизу ран У. и не вызвал на заседание эксперта для получения более подробных объяснений.

73. В этих условиях Суд устанавливает, что принимая показания У., данные на этапе следствия, в качестве доказательств вины, тогда как обстоятельства их получения говорили о действительной и неопровергнутой угрозе ненадлежащего обращения, а также оставляя без внимания отказ от них в ходе процесса на том единственном основании, что эти заявления о ненадлежащем обращении были отклонены прокурорами в рамках проверок как необоснованные, областной суд лишил процесс в отношении заявителя справедливости (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Хусейн и другие против Азербайджана», пункт 212, упоминавшееся выше постановление по делу «Ерс и другие против Турции», пункт 61, постановление Европейского Суда от 6 октября 2009 года по делу «Озкан Чолак против Турции» (*Özcan Çolak c. Turquie*), жалоба №30235/03, пункт 49, постановление Европейского Суда от 2 февраля 2016 года по делу «Айдын Четинкайя против Турции» (*Aydin Cetinkaya c. Turquie*), жалоба № 2082/05, пункт 107, и упоминавшееся выше постановление по делу «Мехмет Думан против Турции», пункт 46). Это заключение делает бесполезным рассмотрение довода Властей, в соответствии с которым заявления У. не были решающими для обоснования приговора заявителя по факту убийства.

74. Следовательно, Суд отклоняет возражение Властей о неприемлемости жалобы как относящейся к «четвертой инстанции» и приходит к выводу о наличии нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции.

II. О ПРИМЕНЕНИИ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

75. Статья 41 Конвенции гласит следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

76. Заявитель требует 500 000 евро в качестве компенсации материального ущерба, соответствующего сумме упущенной выгоды, а также 500 000 евро в качестве компенсации морального вреда, который, по его мнению, был ему причинен.

77. Власти считают эти суммы явно чрезмерными.

78. Суд напоминает, что если лицо осуждено в результате производства, проведенного с нарушениями требований статьи 6 Конвенции, оно должно быть помещено по мере возможности в положение, в котором оно находилось бы в отсутствие нарушения, и что новое производство или возобновление производства по требованию заявителя является, в основном, наиболее подходящим способом исправить установленное нарушение (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Оджалан против Турции» (*Öcalan c. Turquie*), жалоба №46221/99, пункт 210, в конце, CEDH 2005-IV).

79. С учетом возможности в российском праве возобновления производства в результате постановления Суда о нарушении Конвенции (см. пункт 46 выше), а также позиции Верховного суда, касающейся принятия показаний, полученных предположительно под принуждением в связи с применением недозволенных методов ведения расследования (см. пункты 41-44 выше), Суд считает, что установление факта нарушения Конвенции само по себе является достаточной справедливой компенсацией морального вреда, понесенного заявителем (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Кормев против Болгарии», пункт 96, постановление Европейского Суда от 12 декабря 2017 года по делу «Задумов против России» (*Zadumov c. Russie*), жалоба №2257/12, пункты 80-81, и постановление Европейского Суда от 10 июля 2018 года по делу «Кумицкий и другие против России» (*Kumitskiy et autres c. Russie*), жалоба №66215/12 и 4 других жалобы, пункт 28).

80. Что касается требования о возмещении материального ущерба, Суд устанавливает, что оно ничем не подкреплено, и отклоняет его.

В. Расходы и издержки

81. Заявитель подал два отдельных требования, касающихся вознаграждения адвокату. С одной стороны, он требует 4 500 евро в

счет компенсации расходов на правовую помощь и представление его интересов в Суде В.А. Бокаревой. С другой стороны, он требует 20 000 евро в счет компенсации расходов по оплате труда адвоката, признавая при этом, что у него не сохранилось никаких подтверждающих документов. Власти просят Суд отклонить эти требования как не подкрепленные.

82. Суд напоминает, что заявитель может получить возмещение своих расходов и издержек только в той мере, в которой был установлен их реальный объем, необходимость и обоснованность. О реальности расходов на оплату услуг представителей свидетельствует факт их оплаты заявителем, либо наличие у него обязательства по их оплате.

83. Применительно к обстоятельствам настоящего дела Суд устанавливает, что заявитель не представил заключенного с представителем В.А. Бокаревой или другими адвокатами соглашения о выплате вознаграждения или какого-либо иного документа, подтверждающего наличие у него правового обязательства по выплате требуемых сумм. При таких обстоятельствах он не может прийти к выводу о реальности заявленных к возмещению расходов. Из этого следует, что это требование заявителя должно быть отклонено.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ, СУД

1. *объявил* единогласно жалобу приемлемой;
2. *постановил* единогласно, что было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции;
3. *постановил*, пятью голосами против двух, что само по себе признание нарушения представляет собой достаточную справедливую компенсацию морального вреда, понесенного заявителем;
4. *отклонил*, пятью голосами против двух, остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Составлено на французском языке, и письменное уведомление о постановлении направлено 8 октября 2019 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 статьи 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Винсент А. Де Гаэтано
Председатель

К настоящему постановлению прилагается, в соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 статьи 74 Регламента Суда, изложение особого мнения судей Де Гаэтано и Пинто де Альбукерке.

В.Д.Г.
Дж.С.Ф.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ДЕ ГАЭТАНО, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛСЯ СУДЬЯ ПИНТО ДЕ АЛЬБУКЕРКЕ

(Перевод)

1. К сожалению, я не могу согласиться с мнением большинства, в соответствии с которым в обстоятельствах дела установление факта нарушения является достаточной справедливой компенсацией любого морального вреда, понесенного заявителем. Я изложил свое мнение по этому вопросу в частично отличающемся мнении, прилагаемому к постановлению Европейского Суда от 22 мая 2018 года по делу «Гафа против Мальты» (*Gafà c. Malte*), жалоба №54335/14, (см. также, хотя и в несколько ином контексте, частично отличающееся мнение, прилагаемое к постановлению Европейского Суда от 2 июля 2019 года по делу «Горлов и другие против России» (*Gorlov et autres c. Russie*), жалоба №27057/06 и 2 других жалобы). На самом деле правоприменительная практика Суда по вопросу, в какой момент следует или необходимо считать, что установление факта нарушения является справедливой компенсацией, достаточной для компенсации морального вреда, далека от постоянной. Эта проблема, несомненно, не является новой (см. частично отличающееся мнение судьи Бонелло, прилагающееся к постановлению Большой Палаты Европейского Суда от 29 апреля 1999 года по делу «Т.В. против Мальты» (*T.W. c. Malte*), жалоба №25644/94, а также частично отличающееся мнение судьи Малинверни, к которому присоединились судьи Попович и Пинто де Альбукерке в постановлении Европейского суда от 26 апреля 2011 года по делу «Абдулла Йылдыз против Турции» (*Abdullah Yıldız c. Turquie*), жалоба №35164/05, а также общее частично отличающееся мнение судей Шпильмана, Шайо, Каракаша и Пинто де Альбукерке к постановлению Большой палаты Европейского Суда от 26 апреля 2016 года по делу «Мюррей против Нидерландов» (*Murray c. Pays-Bas*), жалоба №10511/10).

2. В данном деле заявитель был признан виновным в умышленном убийстве на основании чрезвычайно сомнительных доказательств, а именно, сведений, полученных в обстоятельствах, которые дают Суду веские основания думать, что к основному свидетелю, брату заявителя, применялись пытки. Заявителя не только обвинили в этом убийстве, но также приговорили к наказанию в виде двадцати двух лет тюремного заключения. Он уже отбыл значительную часть наказания и до сих пор находится в тюрьме. Однако, с учетом возможности, что Верховный Суд возобновит производство — при том, что в российском праве возобновление не происходит автоматически после установления нашим Судом факта нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции — Суд

счел возможным объявить, что установление факта нарушения является достаточным в целях статьи 41. Безусловно, заявитель испытал и продолжает испытывать стресс и тревогу в связи с нарушением своих основных прав, которое было установлено Судом. Как судья Грeve подчеркнула в своем частично отличающемся мнении, прилагаясь к постановлению Большой Палаты Европейского суда по делу «Аквилина против Мальты» (*Aquilina c. Malte*), жалоба №25642/94, CEDH 1999-III, «... чтобы Суд присудил справедливую компенсацию, необходимо, чтобы заявителю действительно был причинен вред и чтобы он был причинен в связи с установленным нарушением. При выполнении этих условий Суд присуждает иногда суммы, которые, как ожидается, компенсируют моральный вред, который выражается для заявителя в таких чувствах, как (перечень не является исчерпывающим) неуверенность, тревога и(или) стресс, одиночество, смятение, беспомощность, фрустрация и(или) бессилие или *чувство несправедливости*, испытываемых им» (курсив добавлен).

3. Суд часто впадает в лирику при напоминании о том, что права, защищаемые Конвенцией, и средства правовой защиты, которые должны существовать в отношении предполагаемых нарушений, должны являться конкретными и эффективными, а не просто теоретическими или призрачными. Никто не оспаривает это утверждение. Между тем, в контексте статьи 41 Суд, по-видимому, часто забывает это, ограничиваясь присуждением заявителям в ситуациях, сходных с ситуацией Уразбаева, справедливую компенсацию морального вреда, которую можно расценивать только как мнимую.